

Идиосинкразия

A black and white photograph of a dark, layered rock formation, possibly a cliff face, with a person climbing on the right side. The rock has a jagged, textured appearance with many cracks and ledges. The lighting creates strong shadows, emphasizing the three-dimensional structure of the rock.

Владислав Март

18+

Владислав Март
Идиосинкразия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70218394

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ от первого лица о непереносимости людей и средствах самолечения этого состояния.

Владислав Март

Идиосинкразия

Выдох.

Сначала кажется, что это какой-то нервный тремор. Это знакомое по бесконечным бессмысленным встречам в офисе подёргивание ног. Это физическое воплощение усталости от ненужных ритуалов и потерянного времени за объяснением очевидного «нет» или очевидного «да». Потеря времени, размен на суету, эта тревога не успеть в куда как более важное сегодня дело. Нога скачет уже нешуточно, работает и стопа, и голень, бедро начинает приподниматься. Ещё несколько минут подобной пляски и обе ноги подключатся. Только опасение нечаянно стукнуть снизу по столешнице своей высокоамплитудной ногой, раскрыть свою нервозность, только это ещё контролирует тремор. Но минута пролетела и метроном ноги снова в работе. Теперь два раза в секунду. Сначала кажется, что руки не подвластны общему беспокойству. Но иллюзия рассеивается. От присутствия начальника, от духоты и главное от нетерпения вставить своё необходимое слово. Авторучка, бумага, стакан, конфета пытались заткнуть дрожание руки. Дрожание обеих рук. Тщетно. Кисти, запястья, предплечья подхватывают ритм ног. Тряска, дрожь, тремор, судорога, все конечности приходят в движение. Сначала это всё ещё кажется нервной

несдержанностью, стрессом, невоспитанностью усидеть спокойно, когда нужно кричать и рвать, действовать. Но всё то же развивается вдали от стола офиса, вне встреч под искусственным светом, вне досягаемости тупой долей чашки кофе. Чашки без рисунка, без бренда, без любви и без кофе внутри. Чашка, которая просто стоит и дрожит от дёргания ноги под столом. Я не в офисе, я дома. Но два раза в секунду моя нога подпрыгивает. Дрожь такая же, дрожь больше, дрожь не имеет под собой той психической причины давления обстоятельств. Она пришла без приглашения и, похоже, остаётся со мной. Тряска стала нешуточной и заставляет обхватить руками себя, поджать ноги к животу и завалиться на диван, на бок, как скомканное одеяло. Оно тоже скоро пойдёт в ход. Дрожащая кисть подцепит накидку и одеяло, потащит на себя. Не раздеваясь я лежу под покрывалом в позе сутулого боксёра и меня колотит. Будто я принимаю сотни маленьких ударов и не могу сопротивляться. Одеяло лезет, ползёт выше, до носа и скоро укрывает с головой. Мне холодно. Озноб. Я не заметил, как к туловищу присоединилась и дрожь зубов. Приходится с силой сжимать челюсть чтобы не стучать ими. Всё тело охвачено волнами зыби. Я теряю контроль и поддаюсь тряске. Ноги и руки, спина и шея заходятся в моторике словно в крике. Затылок стучит по дивану. Про ассоциации с офисом давно забыто. Что это? Что за патологическая напасть? Дыхание изо рта под одеялом горячее. Пальцы, пытающиеся ощупать лоб – ледяные. Никакие

подушки и покрывала не утепляют. Мне очень холодно. У меня лихорадка. Так появившаяся без причины и предварительных намёков. В десять минут приковала меня к дивану и нет сил встать и измерить температуру. Тридцать девять или сорок. Я не помню такой тряски. Впервые выходит герпес? Пневмония? Ковид? Что за дрянь может так колотить среди бела дня. Клонит в дремоту, но стук зубов будит. Страшно закрывать глаза, что будет дальше? Шею уже сводит от бесконечного напряжения и спазма, ноги брыкаются и сбрасывают одеяло. Обхватив себя, зажав ладони подмышками, я вскакиваю и в больном танце прыгаю к комоду, где живёт градусник. Но рука трясётся так сильно, что я не могу вставить его себе подмышку. Я почти роняю его, откладываю в ящик и возвращаюсь на диван. По пути собираю всё тёплое, что возможно, включая шарф и свитер и, занимая как можно меньше места под как можно большим числом вещей я стараюсь выжить в этой судороге всего тела. На левом боку начинаю слышать глухие удары сердца, не то чтобы частые, но ощутимые, мощные и сотрясающие свою часть груди. У сердца тоже истерика, буря, сердечный пасадобль. Придавив его всем телом я на пару минут возвращаю контроль хотя бы над мышцами шеи и спины, прикрываю глаза. Просто на секунду чтобы обдумать своё положение. Кухня, чайник, парацетамол, вторая попытка с градусником, логика ещё не отвалилась от меня в бешеном джайве тела. Но я никуда не иду. С прикрытыми веками нисколько не хуже сжиматься в ко-

мочек, нисколько не труднее держаться за тёплое покрывало изнутри. Закрытые глаза не видят подпрыгивающих коленок.

Я проснулся под скомканными одеялами в одежде, насквозь промокшей от пота. Здорово пропотел от температуры. Словно настоящий больной человек. Вся наволочка и горло рубашки были влажными. Запах затхлости и духоты парил вокруг меня. Я неспешно встал и открыл окно проветрить эту потную усыпальницу. В теле была слабость, заложенность носа, общая маята и нездоровье. Я побрёл к градуснику, к чайнику, к зеркалу, пытаюсь понять масштаб заболевания. Мне также не терпелось сменить всю одежду, в которой меня трясло вчера. Переодевшись, я абсолютно спокойно сел на стул и признался себе. Да, повторилось. Да, вновь. Да, отрицал, притворялся больным, почти умер притворяясь негодим занемогшим непотребством. Лжец. Вру самому себе да так искусно, словно получаю за это денежку и льготы. Я посидел в поддержке кресла какую-то часть часа и ушёл на работу в идеальной клетчатой рубашке под изумительным шерстяным пиджаком. Ушёл и закрыл дверь на верхний замок, узкий как щель между голосовыми связками.

Выдох.

Может быть мне сбежать? Может быть тогда мне станет легче? Сбежать от пасмурного лета, такая задача. Сбежать в осень-фейерверк за далёкими облаками. Устал греться в здешнем лете, хочу греться в чужой осени. Греть ладонью хо-

лодный бокал. Проверять холодность воды тёплой ладонью. Смотреть на остывающее солнце. Я перелётный человек. Не могу остаться. Мне нужно увидеть то, другое. Но по пути туда придётся увидеть несовершенства людей, запертых в алюминиевый мяч, что пнула бесовская сила в минус сорок над облаками. Снова туда, где море огней. С моей возвращенной пасмурной летней тоской. Я полон, мне пора выплеснуть её в чашу далёкого осеннего моря. С моей системой внутреннего обращения ненависти к людям. С моими сенсорами культурной дистанции, с аллергиями на курящих и плюющих. Увидеть снова этот мяч изнутри. Ступеньку под крайним сидением, которой никто не пользуется чтобы удобнее было класть чемодан на верхнюю полку. Приклеенное зеркало, что не ловит ничей взгляд, хотя так удобно снизу посмотреть не осталось ли что-то на дне полки, не выпала ли ерунда из чемодана. Надпись брайлем на уровне моего лба, вероятно предупреждающая прозорливо шарящего по салону слепого о ступеньке или зеркальце. Детей, перелезающих через ряды спинок от одних родичей к другим, мешающие всем, кто имеет дело для внутреннего размышления. Каждый раз они вот-вот собираются упасть или застрять ногой между кресел, но вездесущая бесовская сила удерживает их. Они нужны ей чтобы через годы гадить у моей калитки. Спасательный жилет, что якобы находится под каждым, но сколько не шевели рукой под сидением, никак он не нащупывается. Перетянутая кожа на лицах пассажиров. Она даже загорает иначе. Там

куда стянута она темнее, светлее, где её распрямили. Томатный сок умирающий первым. Даже если салон полон чужих диатезных детей, томатный закончится первым. А ведь это даже не сок. Это причастие всякого верующего одновременно в реактивный двигатель и в небесную твердь. И на границе этих суеверий, где пессимизм встречается с верой в чудо, люди пьют томатный сок, как кровезаменитель самоубившегося бога. Мужики с родовой травмой носящиеся по салону с грудничками, будто они родили их в очереди на посадку. Заслоняющие им электрический свет аварийных ламп натянутым платком. Подсовывающие младенца всякому под нос. Неизменно просящие стюардессу об услуге, не входящей в букварь стюардесс. Зачем они летят с ними к морю, с этими компами протоплазмы? Чтобы угробить незрелый иммунитет и раздражать всех встреченных? Я перелётный человек. Я не могу без этого. Плачу мзду наблюдений за странными пузатыми людьми. Это мой входной билет. До посадки и после высадки наши пути мало пересекаются. Однако внутри мяча мы все рагу на огне. Годы тренировок позволяют мне переносить людей часами. Три-четыре часа с наушниками могут быть приемлемыми. Ближе моё холодное море не подошло. Нужно взлетать и ждать несколько часов пока земля провернётся под тушкой самолёта и не подставит под него новую полосу. Тонкую вену серого камня для подставок-ножек. Мы сядем и разойдёмся по своим маршрутам. Кто-то пойдёт под тонкие лепестки светодиодов огромной люстры,

что свисает на прозрачных проводах. С высоты холла, им будут махать кружащиеся люстры-вентиляторы. А я, я пойду в любую другую сторону, где людей нет. Именно этих, летевших отдыхать от забот. И тех, кто их встречал. И каких-то между-этих-и-тех. У меня непереносимость людей. Я вписал это на странице своего паспорта и нанёс словно боевую раскраску на своё лицо. Но они не видят, они не читают. Читая бумажонку с обязательно снятой обложкой им не попадает, никак не попадёт та страница, где штамп «непереносимость людей!». И никто, встретив штамп не опускает глаза к наклеенной на столе ламинированной инструкции. В таком-то случае не разговаривать, не препятствовать, не преграждать, отдать паспорт и забыть. Надпись на моём лице они читают как грусть, как депрессию, как ненависть, злость, угрюмость, усталость – всё неверно. Это боевая раскраска непереносимости. Увидел – отойди. Не говори. Не спрашивай. Иначе, иначе, случится как в тот раз или озноб. Опять чёртов озноб словно я человечек, встретивший капельку с вирусами из кондиционера. Не-пе-ре-но-си-мость! Так было, всё это уже попробовано, протестировано и отвергнуто. Алюминиевый огурец с багажом на 23 кг не помогает. Лететь к морю бесполезно. После офиса в клетчатой рубашке мне придётся сделать это. Как же долго я искал рецепт и обнаружил его как в хорошем боевике, лишь на пике обострения, когда стал покрываться маленькими чёрными пятнами по бокам, когда стал слышать те звуки, когда... Впрочем,

это никому не интересно. Главное, что я знаю, что сейчас нужно делать. Прощайте пляжи и холодные бокалы, я выхожу на Комсомольской сквозь омерзительную толпу холодных людей-дождевых червей, которых смыло сюда из ливнёвки, обув по пути в уги и накинув сезонные пуховики.

Выдох.

Чтобы попробовать объяснить, что я чувствую повседневно, как это быть мной, быть рядом с вами, я обычно начинаю с такой простой ассоциации. Начинаю с мысленного упражнения. Представьте себе, что вы находитесь в достойном образованного индивидуума месте, даже пусть и с жерандолью, пусть с ножом для рыбы и бокалом рислинга. Представьте себе любое ухоженное тело рядом с вами и любое случайное сочетание мазков масла на холсте противоположной стены, что угодно ещё, хоть и белую скатерть, и меню из будапештского «Жиро». А теперь добавьте к тому густой жирный запах настоявшегося навоза. Такой плотный и едкий, что невозможно дышать. Вы физически не можете заставить себя вдох. Глаза ещё не выедает, напротив, вы вытарасили их от гипоксии, от невозможности встать и выйти немедленно, от непереносимости конкретного настоящего вокруг вас. И, скажите, имеет ли в этот момент значение, стоящий перед вами жирандоль? В добавление отмечу, что все окружающие вас не замечают этой термоядерной воздушной пробки, а если замечают, то дышат в ней легко и могут смеяться и петь, и танцевать, тогда как вам нет шанса

просто вдохнуть полным ртом. И вы не вдыхаете. Это против вашей природы, вы дышите иным, вы не такой. В этом обществе вы сможете сделать только одно.

Выдох.

Спиной вперед. Сажу и двигаюсь одновременно. «Сапсан» красивой карандашной мордочкой мчит наполненный телами, ожидающими Петербург. Меня он тащит туда спиной, против движения. Всё удаляется и, кажется, что на скорости я еду в какое-то наоборот. Будто жизнь прокручивается в сторону назад, включили реверс, происходит нечто незапланированное. Водитель поезда сообщает, что мы поедem на скорости до 250 км/час, однако, когда дублирует информацию на английском, оговаривается и по его английскому мнению мы полетим 550 км/час. Может быть это не оговорка, знак. Это как надпись «help me please» в кишках плюшевой игрушки, сообщающая о проблеме поднебесного детского труда. Как подмигивание похитителя невесты невесте перед похищением невесты похитителем невесты. Машинист поезда ломает веточки на тропинке, оставляет знаки, как индеец, которого другое племя взяло в плен, оставляет метки по пути следования для поискового отряда. Крошки, что бросают украденные людоедом дети из карманов. Нет, это не оговорка, мы едем в назад-Петербург, на скорости выше обычной скорости на которой ездят в туда-Петербург. Яркое солнце не слепит и не нагревает мою кожу через стекло, ещё одна подсказка, что-то не так. Как выглядят 250 или 550 км/

час когда едешь спиной я не знаю, потому не могу отчётливо прочувствовать самый момент изменения, старт. Зачем командир поезда вообще говорил на английском? Сейчас нет ни туристов, ни китайцев. Салон наполнен откровенными отпускниками и командировочниками из Москвы. Зачем английский здесь? Только чтобы дать знак таким как я, агентам важных мелочей жизни. Услышан твой сломанный прутик, я понимаю твой знак, машинист. Этот хруст на английском есть предупреждение. Мы едем совсем не туда, не в тот Петербург. Я купил спинной билет и движусь на огромной скорости в Наоборотбург. Я еду на лечение. У меня рецепт. Я терплю без анестезии потому знаю, боль чудесным образом скоро пройдёт. Поехали. Помчали. И хотелось бы мне увидеть всю мою жизнь до этого момента как в кино, но ничего не происходит. Плёнка, что должна была прокрутиться перед глазами, от рождения до посадки, не успевала за «Сапсаном». Не шутка, 550 км/час. Я увидел лишь малый эпизод, трейлер фильма-жизни. Увидел, как началась эта непереносимость. Как я с большой головой на тоненьких ножках во весь рост прохожу под кухонным столом. С той наоборотной стороны по углам стола какие-то крючки-краны. Стол раскладывается с их помощью или разбирается на части, или эти крючки-краны ответственны за удержание ног стола, я пока не знаю, не могу посчитать эти четыре штуки, но жутко хочу поцарапаться о них большой-пребольшой головой. Голова не лезет в угол стола, не получается, она круглая, ко-

ординация подводит и я нечаянно выхожу из-под купола в кухню. В этот огромный девятиметровый мир с паром и дымом, ветром из форточки и сокровищами разбросанными по всему полу. Люди ходят толпой, большие люди с ногами. Их руки опускаются ниже колен, они на ходу несут стулья, котлов, кастрюли, страшные чёрные газеты с убитыми мухами. Я отступаю назад. Отчего-то не помещаюсь обратно под стол, расту тонким червём и оказываюсь со столом в руках. Я несу его в другую комнату чтобы разложить на нём настольную игру для гостей, расставить чай. Поворачиваю стол чтобы тот пролез в дверь, палец случайно нащупывает тот самый кран-ключ в углу с той-другой стороны стола, что-то металлическое, так и не открытое мной и не поцарапавшее меня. Ключ в мир под столом. Опускаю его в центре комнаты, отхожу, ещё отхожу, полшага назад, попадаю в глубокое кресло. Спиной. Лёгкий гул. Огромное окно. Должно быть я всё же ударился головой в детстве. Иначе какая этиология, с чего началась непереносимость? Поезд несёт меня против хода показывая через стекло солнце и убегающие заборы. В момент, когда спиной садишься в кресло понимаешь, как непрочно связана голова с телом, как эти несколько килограмм, от которых зависит направление движения поезда отстранены от тушки с кишечным микробиомом. Какая ненадёжная связь – шейная ниточка – всё решает. Остановись поезд на огромной скорости резковраз, оторвёт этот набалдашник, запустит бильярдным шаром по вагону, не удержит,

не спасёт шея. Покатится голова по проходу и в расширении, где скапливаются люди чтобы выйти за одну минуту в Чудово, выбьет голова страйк. Так что не надо останавливаться неожиданно. Неожиданности всякого рода вредны голове. Спина вживается, вырастает в сидение. Спиной мы чувствуем безопасность, уверенность живёт в спине. «Конечная станция пфыр-кыг-тыр-бург, поезд прибудет мыр-дыр-бер ноль пять, на линии ммур-дварц, дрыц у проводника...». Слова механические заученные как молитва ломаются. Может это импортный поезд уже требует ремонта, а санкции не позволяют. Может скорость так велика, что звуки неправильно входят в уши, ударяются не об ту перепонку. Но скорее всего голова, едущая назад не хочет воспринимать текст. Она уже не переносит не только самих людей, но и их производные: текст, мелкую моторику, шарканье ногами, кислоту кофейного облака. «Сапсан» разогнался, машинист замолк, время морщить висок о стекло, ждать событий. Я пытаюсь выдохнуть навоз на стекло и он оставляет запотевание в форме человеческой селезёнки. Откуда я знаю её форму? Да, есть и такая стадия, не лихорадкой единой. Только бы не дошло до этого, как в тот раз. Сработай, рецепт!

Выдох.

С чего всё началось? С рождения? Я помню день, когда друг поцарапал меня уголком октябрюцкой звёздочки, до крови, до гнева и до конца нашей дружбы. Тогда ли я глубоко вдохнул от удивления и злобы? Тогда ли мне занесли

инфекцию в кровь? Мы тоже были в поезде в тот день. Кругом, воняло не кофе и не айфонами, а грязными занавесками и носками выставленных в общий проход взрослых ног. Поезд тогда замедлился и произошла остановка. Я надеялся найти подорожник чтобы заклеить слюнями рану от звёздочки, но мы остановились будто в подземном переходе, так по крайней мере показалось вначале. Травы нигде не было. Выходим полуплотной когортой, по двое, все одного роста. Как подобрали пассажиров по росту? На вокзале стоял ростомер? Парами, как ноги, спускаемся в полутьму, в которой тут же начинаем различать огоньки. Это блёстки, искорки в глубине тёмного. Это камень. Весь коридор из блестящего чёрного камня, мрамора или гранита извращённо чёрного цвета. Серебряные отблески идут из него, особая порода. Должно быть из таких состоят кометы или советские боевые космические корабли. Почему советские? Почему боевые? Я здесь уже был? Пары поворачивают под прямым углом влево и на них сверху смотрит лампа. Огни гранита-мрамора отражают и бросают лучи в глаза, в пол, под ноги-пары. Мы поворачиваем вокруг возвышения кубической формы. Там лежит мёртвый человек. Ему всё равно. Он не видит чуда какой красивый камень и наши односторонние ряды. Пассажиры молча проходят вокруг человека наверху, вокруг его хрустального гроба, стараются заглянуть за ворот рубашки, за край рукава. Что-то ещё разглядеть кроме бледности кистей и лица. Небольшой такой человек. Никто не может уви-

деть больше соседа, рост не даёт захватить больше эмоций, украсть больше видения, чем соседское. Пары уходят из-под лампы, мёртвый мужчина остаётся за спиной. Проход сужается. Бенгальские огоньки камня снова самое интересное, что стоит видеть. Дорожка вокруг гроба на камне приводит в вагон. На место. Спиной вперёд. Путь продолжается. Отъезжая читаю название станции – «Ленин». Старинное египетское здание вокзала без кассы. Поодаль одинокий дачник с полным чем-то ведром и пустым рюкзаком в набедренной повязке что-то доказывает милиционеру без ведра и рюкзака. Дачник тычет пальцем в поезд, ляпка рюкзака сползает с плеча. Милиционер вместо направления палец-поезд направляет свой взгляд в чем-то полное ведро. Там впечатления от мавзолея? Вторым рядом за станцией живут колонны с огромными скарабеями и загон для буйволов. Всё размывает скорость и теперь только деревья и капли на стекле. Конденсат моего дыхания. Может быть тогда я вдохнул с чёрного гранита конденсат мёртвого человека?

Выдох.

Когда глаза привыкают и снова появляется фокус, я различаю воронов. Давно знал, что они меня сопровождают. Но чтобы специально рассаживаться вдоль маршрута «Сапсана», это уже слишком. Сюда слетелись все мои вороны. Все следившие за мной в последнее время. Чёрные, что аж синие, с бородами и раскрытыми клювами за которыми не видно розового горла. Всё чёрное. Даже внутренность рта

черна у них. «Аррррр-арррр», – не слышу я в вагоне, но расшифровываю их движения горла и бороды под клювищем. Вот вороны с Елагина острова, улетели из клеток, что стоят вдоль аллея, пугают белок и голубей. Вот Франц Карлович из «Этнопарка». Сломал прутья и перелетел из Калужской области. Черны его глаза, мощны лапы. Вот строй из шести основных и шести запасных воронов Тауэра. Отрастили подрезанные крылья, получили визы, выучили русское «аррр» и расселись по пути следования. Двенадцать бородатых. Вот вороны из Смоленска, из разных его лесопарков, заняли верхушки мёртвых деревьев ожидая новой войны с запада. Итого восемнадцать. Все провожают меня в Петербург. Не напутствуют, не мешают, только смотрят боком. Приглянулась им эта тверская земля с бесконечными рукавами Волги и лесами ЛЭП. С мёртвыми бесплатными гектарами, со старинными деревнями в которые вонзили свои кровососы монастыри и сельсоветы. Нахохлятся вороны в этой сырой местности, но обживутся, перезимуют. Восемнадцать чёрных пар глаз и крыльев. Отчего я всегда вижу ворона сидящим, спокойным, смотрящим, но не летящим над головой. Может и к лучшему, что не кружащим над. Народные песни говорят, что кружащий ворон ничего доброго не принесёт. Или они ждут подношения от меня? Ах, вороны, не могли бы вы заменить всех людей вокруг?

Выдох.

Бологое. Середина маршрута как не двигайся, хоть вперёд

лицом, хоть назад. Эта минута приносит свербящее и такое нужное желание. Пусть уже все легенды сбудутся, пусть окажется, что существует на самом деле это кафе «У Бори и Аркаши». Место, где встречались братья Стругацкие и вели за чаем с сахаром долгий разговор о судьбах героев будущих книг. Двигали железные стулья, отходили покурить под навес, не замечали как остыл скудный привокзальный съестной набор. Пусть бы оказалось всё правдой. Я бы приезжал специально, стоял бы в очереди в буфет, щелчком отправлял до кассы сложенную пятисотку, не обращал внимание на заветренность бутербродов и запашок из урны. Для меня этого было бы место силы. Легенда. Как читал взахлёб в 15-17 лет и как перечитывал в 30-40. Наивные несбывшиеся предсказания. А ведь у них тоже было «это». Как и у Гоголя, у Чехова, у Маяковского, у всех талантливых самородившихся запечатлетелей людских дел. Они все имели эту непереносимость. Они не переваривали общество людей. Они обличали и издевались, с трудом приспособливались и, в финале, досрочно ушли из него. От лёгкой мизантропии до совершеннейшего сумасшествия и судороги от прикосновения ближнего. Они все вас ненавидели. У Стругацких была наименьшая возможная клиническая форма потому как делили они всё на двоих. Да, не переносить старались не всякого, а только тех, кто отягощён властью, мнением, руководит событием, пророчит. Борис Натанович, на кого ты меня оставил? Я бы сидел и бухуртел это в стакан в подстаканнике, в пышку, а

по вечерам может и в портвейн, сладкий, как ранние их рассказы про ССКР. И лязгал бы по искусственному мрамору холла поджопными ножками железного стула. Бологое. Мог бы стать столицей грёз, литературной саградой, а вместо того просто проносишься мимо в бликующем окне. Мой глаз не успевает заметить ни книжного магазина, ни указателей на Далёкую Радугу, ничего, ниичаво... Эти людишки не создали мне даже кафе, где можно ругать современную русскую прозу и вздыхать над теми временами, когда людей не переносили в высоком слог. Когда «это» творили мастера. Минутная остановки, затяжной навозный шлейф и...

Выдох.

Встал и вышел в проход между синими креслами. Прошёл через врата без верхней перекладины образованные с одной стороны Великой Генеральшей Подземного Мира с другой Великим Генералом Надземного Мира. И нога ступила на стеклянный порог залитого светом магазина косметики. Одинаковые мужчины и женщины худощавого сложения бледными руками в пастельных рукавах проводят по полкам магазина. Всюду коробочки и баночки. Обязанные резинкой по десять или двадцать плоских страниц упаковки масок для лица. Маски для век, для щёк, маски против солнечного загара, маски ради вечной бледности, маски против морщин, против самого времени. Я вхожу внутрь косметического рая прямоугольной формы. Все средства подписаны на английском, но никто по-английски не говорит. Всё против старо-

сти, но внутри нет посетителей старше меня. Всё блестит и перламутренно переливается, однако держат баночки матовые бархатные ладошки шоп-эссистента. Услужливость продавца и чистота пола так контрастируют со всем моим прошлым опытом посещения магазинов в стране мёртвых телефонных будок. Зачем я вышел из вагона и оказался здесь? Я же ехал до конечной, до столицы депрессии и топоров, до отбитых о каменные поребрики носков «оксфордов». Почему я снова в Корее? У меня остался туда билет? Стопка тысячных купюр-вон заложенная в недочитанного «Тысячеликого героя». Эдакий пропуск в прошлое. Я помотал головой. Наушник выпал слева и удачно свалился прямо в ладонь. Началось. У меня следующая фаза. Непереносимость в этот раз тяжёлая. Галлюцинации памяти. Как медленно ползёт «Сапсан». Как долго ещё до спасительных скрижалей, моего лекарства, моего паломничества несущего обнуление непереносимости. Гони, водитель поезда, гони, иначе я тут всех забросаю своей лихорадкой. Чёрное пятно под футболкой чесалось уже невыносимо скверно. Сядясь обратно, я зацепил нечаянно дух соседки, размышляющей о новой короткой шубе. У меня рефлекторно случился

Выдох.

Легко обгоняю отягощённых поклажей, спускаюсь к Невскому, на несколько минут попадаю в поток стареющих и безысходно умирающих тел. Мне нужно присесть в «Ду Норд», съесть лучший завтрак города. К счастью, так мало

существ с челюстями и ногтями сегодня внутри. Мало отпечатков их пальцев на столешнице. Мало скомканных салфеток. Круглый столик удобно предложил себя как опору рукам. Я начал покидать реальность в ожидании облепихи и имбиря. Мне вспомнилась одна ночь, одно дежурство, время, которое я тратил раньше на помощь людям. Он, Токарев, как старший хирург ответственный за абдоминальную и торакальную хирургию и я, как второй хирург ответственный за травматологию, гнойную хирургию, приемное отделение. В ту ночь к нам поступил Жирнов, тоже хирург. Вот мы и встретились втроём, три хирурга в приемном отделении: хирург Жирнов, теперь опустившийся человек, БОМЖ, с какой-то травмой, сейчас точно не помню. Пусть закрытый трёхлодыжечный перелом. Хирург Токарев – опытейший абдоминальный хирург и хирург я. Просто я. Хирург Токарев находился в приемном отделении по какому-то своему делу. Хирург я отвечал за госпитализацию пациентов с травмой. И вот мы три хирурга находились в полуосвещённой комнате для осмотра пациентов, с отвалившейся штукатуркой, с просиженной кушеткой в пятнах неясной этиологии и смотрели друг на друга. Хирург Жирнов был пьян, кричал и размахивал своей сломанной ногой. Хирург Токарев был спокоен и цитировал подходящие к месту места из Стругацких. Это не его проблема, он отвечает за «живот», «грудь» и за реанимацию, ему легко шутить. В данном случае хирург Жирнов это проблема моя. Потому что у паци-

ента сломана нога, а не торчит нож в животе. Хм, можно ли мне исправлять такие недоразумения? Хотя с образом жизни хирурга Жирнова это только вопрос времени. Последовало оформление документов, рентгеновское обследование, обезболивание, наложение скелетного вытяжения. Это такой древний метод лечения переломов, который мы применяли в прогрессивной областной больнице ввиду отсутствия возможности оперировать экстренную травму ночью. Ввиду того, что прогресс перешагнул нашу больничку пробегая по стране, не наступил в неё. Ввиду отсутствия мест в отделении травматологии, даже коридоры были заняты, я смог госпитализировать хирурга Жирнова только в торакальное отделение. Таким образом он отчасти стал проблемой хирурга Токарева поскольку за отделение торакальной хирургии, «грудь», отвечает он. И мы все снова встретились там. Хирург Жирнов решил, что конечность у него не так уж сломана и начал ходить на ней и буйнить, кричать и материться, угрожать медсёстрам. Да и просто раздражать реальность. Он развинтил нехитрое скелетное вытяжение, снял семикилограммовый груз и неплохо стоял на своей ноге в состоянии алкогольной анестезии. Тогда хирург я и хирург Токарев пришли к хирургу Жирнову в палату и немного задумались что же с ним делать. Я пытался фиксировать хирурга Жирнова к железной кровати времен шестидесятых годов полученный нашей больницей в качестве гуманитарной помощи от расформированного немецкого госпиталя, что было без-

условно большой удачей для нашей клиники. Половина палат преобразилась в лучшую сторону после введения в строй того, что припас для нас полевой госпиталь германских сухопутных войск. Хирург Токарев мне помогал, дойдя в своих цитатах до «Трудно быть богом». Книгу я знал буквально наизусть и стал творчески ассистировать коллеге в метании текста. Но в процессе фиксации хирург Жирнов начал сопротивляться и тогда я увидел интересный пример взаимоотношения врача и пациента который, к сожалению, после применял на практике. Может как я подхватил это? Хирург Токарев, будучи очень утомленный хирургом Жирновым, несмотря на присутствие хирурга меня, своими огромными кулаками бил пациента по всем органам и системам, что попадались ему. Этим он изрядно помог мне фиксировать хирурга Жирнова к железной кровати германского производства и решил наши проблемы до утра, до следующего дежурного. Сейчас понимаю, что за этой сценой смотрело еще трое пациентов госпитализированных в той палате, трое торакальных пациентов и это не беспокоило никого из трёх хирургов. Не исключено, что пациенты хотели нам помочь. И сейчас это меня не беспокоит. Хирург Жирнов после благополучно срастил свой перелом в стенах областной, был переведен в гнойную хирургию не по показаниям, а из жалости, чтобы перезимовать. Там начал подрабатывать дворником, пить и ушёл из стационара. А хирург Токарев умер от коронавируса в прошлую пандемию и мне очень жаль, что

это произошло. И ещё он умер немного от непереносимости людей. Ведь он дышал рядом с ними, дышал этим воздухом полным вирусов.

Выдох.

Лекарство я отыскал нечаянно, случайно, как в детской сказке. Это произошло много лет назад после пары особенно крутых эпизодов болезни, когда приступы раскрыли меня и мои близкие и разные окружающие догадались, что я есть для людей. Когда чёрное пятно подмышкой переросло разумные пределы и голоса стали навязчивыми. Когда вороны перекусили, тем что... В общем, тогда, сухой и плоской осенью, я убежал в Петербург и надеялся, что долгие прогулки помогут вернуться в ритм общества, к рутине завтраков с омлетом в «Ду Норд», в разговоры о мусоропроводе. Тогда я действительно бессмысленно бродил по следам Гоголя и заходил в места, где раньше не бывал, отмечая, что уже сам переезд подействовал и я не замечаю гоминид, китайцев по большей части, я могу иногда слышать шум города и рассматривать воду в реке, я не теряю сознание и редко трясусь в приступе. И, однажды, день на третий, я совершил особенно большую прогулку, отметившись в самых разных местах, вернулся в апартамент-отель и запершись как от монстров я расслабился и услышал, как непереносимость выходит из меня и удаляется, растворяясь в стене бывшей коммуналки. В тот вечер я отчётливо связал улучшение своего состояния с магическим новым маршрутом по Питеру, с

паломничеством к трём необъяснимо исцеляющим артефактам. Я стал применять этот рецепт, он спасал меня все последующие годы. Время пришло возвратиться и принять средство. Потому что если не это, то тогда будет прогресс заблуждения. Это, поверьте, никому не нужно.

Выдох.

Начало всегда казалось странным. Как и сегодня, так и в первый раз. Перейти мост. Если без всякой эзотерики, то дело весьма простое. Калинкин мост с его четырьмя башенками открытый ветру на удивительно просторном месте Фонтанки. Именно он и никакой другой из типовых трёх-пролётных мостов. Цепи, гранит, иное расположение водной ряби каждый миг. Тогда, когда понял, что мост входит в рецепт я оказался здесь неслучайно. Бродил разыскивая гоголевские артефакты. Места, упомянутые скажем в «Носе» или «Записках сумасшедшего». Калинкин мост – место, где стал появляться призрак Акакия Акакиевича и нападать на прохожих отбирая шинели. Во времена Гоголя всё было здесь иначе, но Фонтанка и мост так или иначе присутствовали. Тогда, в те первые дни поиска спасения от своего недуга я перешёл мост неспешно, остановился у каждой башенки, долго смотрел на воду и делал фотографии. В дальнейшем, как я понял, этого пристрастия не требовалось. Необходимо просто его перейти. И сейчас, двигаясь к первой скрижали я почти бежал своим широким и быстрым ходом. Мутная серость вечера ещё только напозла на город и было достаточно светло.

Я вступил на гранит моста по правой стороне к центру, держась ближе к речному краю, поскольку от проезжавших машин летела мелкая мокрота масляных брызг. Навстречу мне удивительно громко и развязно шли четверо подростков. Самый мерзкий и опасный подтип людей. Шли парами, и первые двое старались занять всю широту тротуара и откровенно показывали на меня руками. Они прошли середину и вот почти поравнялись со мной заслоня путь мимо башен. Пьяные, шумные и молодые, они были мне отвратительны. По какой-то дикой неизвестной мне причине они остановились и начали что-то спрашивать у меня. Но при том так часто вставляли матерные слова, что я не понимал, действительно ли это вопрос или такой способ оскорбить. Я медлил потому что речь людей тоже отключается иногда, является таким же симптомом как лихорадка. Со стороны могло показаться, что я их слушаю и мне не всё равно, что они дышат. Какая-то ещё секунда прошла пока я не сказал себе, что все эти люди просто пятно, которое надо перешагнуть, они всего только преграждают путь своей бессмысленностью. Они стоят на моём рецепте, который по совпадению избавляет их же, от того меня, который им не нужен. Вдобавок один из ближних и самый крупный подросток с татуировкой на шее, попытался коснуться моего пальто. Тату оскаленного дракона. Глупец. Этого оказалось более чем достаточно. Я вытащил правой рукой из кармана складной нож, демонстративно со щелчком раскрыл его. Убедился, что двое ближних увиде-

ли чёрное матовое лезвие. Ещё полсекунды я перекладывал нож в правой ладони так, чтобы он оказался плотно зажат в кулаке, а лезвие торчало наружу, как берут лыжную палку, острием вниз. Я ударил крупного в лицо этим кулаком. Он то ли упал далеко от удара, то ли шарахнулся назад и оступившись завалился на двоих в заднем ряду. Пьянь старался упасть как можно дальше от меня поскольку он видел, как из летящего кулака торчит нож. Догадываясь, что одно моё дополнительное движение кистью и лезвие разрежет ему лицо от уха до рта. После удара я замахнулся на второго пацана из первого ряда, у которого надо сказать уже росла борода. Я довёл движение почти до его лица обращённым к нему чёрным ножом. Тот отпрыгнул и оказался на проезжей части, убегая под брань тормозов машины. Далее я сделал шаг вперёд и посмотрел на третьего и четвертого своим настоящим взглядом. Ветер сзади приподнял под моими ушами то, что они могли принять за бакенбарды. Переростки мяса в свиных кожаных куртках бросились бежать. Я дал им один выдох форы, сложил нож в карман и побежал за ними наступив первым шагом на колено лежащего. В беге за спиной я слышал его искренний неподдельно страдальческий крик и шуршание тела, изогнувшегося пауком на каменном тротуаре моста. Я мог легко догнать убежавших, но специально был в метре за ними заставив их за мостом перебежать на красный свет. Под сигналы машин и мат таксиста сам я повернул направо по тротуару и продолжая двигаться по набе-

режной через несколько минут оглянулся на Калинин мост. Башенки стояли как часовые на границе между гоголевским и быдляцким Петербургом. Людей на мосту не было видно, машины разносили шуршание шипов и бензиновый туман, что поднимаясь вливался в пепел неба. Мост позади. Мой путь продолжился в сторону Аничкового, который для меня был ориентиром второй обязательной точки.

Выдох.

Из всех творений двуногих пахнущих салом, даже в самом горячем потоке непереносимости, я уважаю их за книги. Не могу пройти мимо хорошего книжного и собираю бумажные кирпичи скорее, чем прочитываю их. Нисколько не удивлён, что вторым обязательным экстрактом для меня стал может быть лучший книжный страны. И эти девушки, выбегающие из стеклянных дверей, и туристы с открытками, и завсегдатаи, взявшие жадными ладонями новый науч-поп, всё в этом месте можно терпеть за выбор и великолепное представление. Уходящие ввысь лестницы для долгих полок, подписи под ними по тематике, кофейни в дальних углах. Здесь можно найти всё. Здесь можно всё потрогать и заглянуть в интимное межстраничье. Я сложно понимаю это противоречие, время не пришло выразить его простыми словами. Пока только путанно, как шарлатан детям, объясняю себе это случайностью. Насколько безразличны мне пути и желания людей в действительности, настолько же завораживают меня описания человеческих историй в литературе. По-

следнее ничтожество пресмыкающееся перед начальником или порносайтом будет мне в радость, когда читаю о нём из-под талантливой руки автора. Я пенсионерской походкой обхожу два этажа задерживаясь в привычных местах: науч-поп, биографии, искусство, всякая литературная дичь. Недостаток нахожу не сразу. Выбор великолепен и подслушанный диалог двух консультантов о месте на полке книг по драматургии заморозил. Люди ли здесь работают? Мягкий Шекспир и твёрдый Пелевин на своих местах долго не лежат. Снуют туда-сюда книги про историю медицины и откровения Тарантино, едва доносят их до кассы, как на первый этаж спускается новая обложка. Недостаток состоял в том, что в этот святой день не оказалось несколько книг о Кнорозове или его работах, или пусть хоть бы косвенных результатах этих работ. Скажем, науч-попа про майя или их алфавит. Двуглазые! Отвлекитесь от своего навоза! Сегодня его День рождения! И в этот день, даже в этот вы не выставили ничего. Я раздражён, но в тайне и рад одновременно. Уколол человечков, нашёл чем. Визит прошёл удовлетворительно и вторая локация зачтена. Носом чувствую, что зачтена, навоз стал какой-то клеверный. Отодвигаю от прохода анорексичного юношу, девушку негодную для утех, зрочки кофемана и сумку полную «Страдающего средневековья». Прочь читатели, шелестите с дороги. Как ни приятен аромат книг (вместо вашего), но мне надо всё же среди этой газовой смеси сделать

Выдох.

Нева – удивительная река. Жирная как кровь и непроницаемая для света, как катаракта. Невозможно одинаковая каждый год и при том неповторима в своих секундных бликах на колышущихся сразу во все стороны волнах-гребёнках. Стою «вспоминая иное расположение волн на Неве»©. И не могу вспомнить. Кажется там, под неровностью глубокой серости воды дна нет. Там выход из этого мира. Питер раскинулся по сторонам трещины мироустройства. Как горящий ствол дерева на берегу лавовой реки, как очередь на посадку в прогулочной катер по Стиксу. Вместе со мной на неповторимую банальность воды смотрят сфинксы. Глаза без радужек и зрачков, без аккомодации и рефракции, без веры в людей и защиты от ветра. Что им ветер? Лёгкое дуновение времени и только. Сфинксы старше времени. И эта издёвка, этот фарс стояния на реке-Неве, всё закончится. Краткий миг. Сфинксы вернутся под жар африканского солнца чтобы так же непроницаемо смотреть на сложившихся ниц худых и страшящихся людей. Я слегка прислонился к розоватому камню, на котором возлежит чудовище. Полуживотное, получеловек. Наряженный в иероглифы и шапочку, с искусственной бородкой. Всеми атрибутами чтобы не было так страшно смертным. Чтобы им было понятно. Прямо как и я, в одежде и при пуговицах, при усах и очках. Подчинённый необходимости имитировать человека и притворяться незначимым куском мяса. Постоять у сфинксов. Такое есть моё третье условие. Завершение. Посмотреть на

реку или выпить кофе там же. Намочить подошвы спустившись по ступеням. Принять капли дождя или мёртвого снега. В общем мелькнуть перед взором мраморной пары на Васильевском, как моль и сгореть в закате дня. Я задержался необычно долго. Страшно оборачиваться. Сейчас же я узнаю сработало или нет. Ремиссия или всё по кругу. Прислушиваюсь к сменяющимся за спиной посетителям, фотографам, лазающим по Википедии переводящим надпись на основании сфинкса, детям, к падающему мороженому, смеху. Всё не отвожу взгляд от воды. Водяной провал в земле почернел, солнце давно село и осенние размытые фонари напустили на волны ещё больше суматохи. Я повернулся и пошёл к дороге, к людям. Это были женщины и мужчины, кутающиеся от ветра в кожу убитых животных и откровенные синтетические канцерогены. Но это были просто люди. Просто живое. Я не испытывал к ним ненависти. Смог пройти достаточно близко без брезгливости. Непереносимость никак не проявлялась. Я даже коснулся кого-то локтем и обогнал парочку на тротуаре. Двигаясь в сторону Биржи, я слушал человеческие голоса про погоду и новую микроволновку. И это были звуки, чем-то обычные, чем-то приятные, как пение незнакомых птиц. Прошло ещё сто шагов среди людей и дошло до того, что я смог сделать это.

Вдох.